

Счастье недостижимо, как горизонт

Неюбилейный разговор
с Виктором Астафьевым накануне его 75-летия

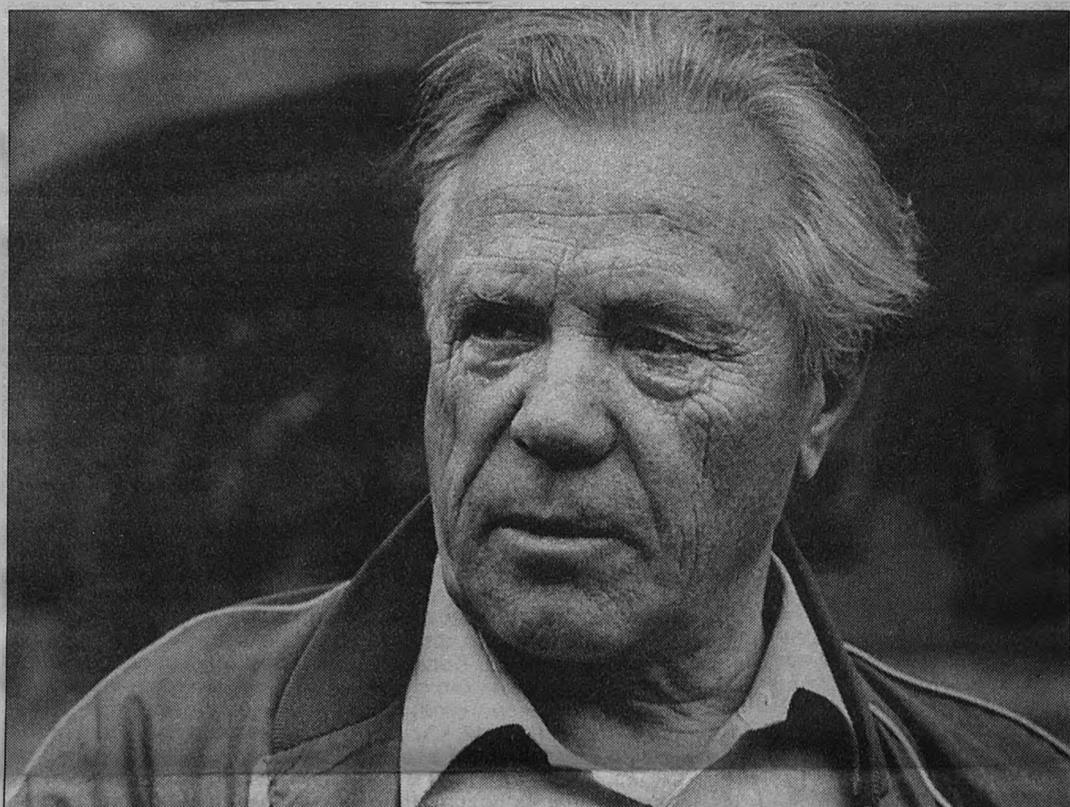

Фото А. СИЗУМИНА

Когда я пришла к Виктору Петровичу АСТАФЬЕВУ, на дворе бушевал февраль, а он только что вернулся из очередной своей поездки по краю: его вечно зовут то в школу, то в училище, то в интернат. Сразу стал рассказывать о школе-интернате в деревне Погадаево, что между Енисейском и Подтесовом.

— Ну, мужичонка директор. Это очень важно, чтобы директор был мужик. Здешний. Даже послужил главой администрации, ушел обратно в школу. Эта школа с трудовым уклоном. Девчонки и парни делают все — и эти макраме самые модные нынче, и всякие пошивки, и обутки могут шить, и станки у них есть. И спектакли они сами ставят, и сами их оформляют — красочно-красочно.

Есть у них комната патриотического воспитания со старых времен — там еще остались Сталин с Лениным на грамотах. Ну и ладно, хоть так, хоть что-то воспитывают. Дети дисциплинированы, все работают. Никакого хулиганства, никакой наркомании. Они не понимают, что это такое, слава Богу.

Виктор Петрович показывает подарок, что ему сделали в одной из поездок по краю ребята из канской школы-интерната. Это удивительно тонкая работа из соломки — православный храм.

— Меня звали-то в детдом, — рассказывает он, — но по пути перехватила в колледж Галина Максимовна Шленская, профессор университета. А я-то думаю — это и есть детдом: сейчас ведь все переименовывают — колледжи. И мое бы ФЗО живое было, его бы тоже переименовали. Я их прозвал — «колледжане», канские колледжане. Колледж хороший на самом деле. Мужик тоже директор. Хорошая дисциплина: в случае нарушения — немедленное отчисление.

Стипендии платят, порядок во всем, очень чисто. И учат хорошо, и преподаватели хорошие. И это была какая-то отрада. Потому что настолько устаешь слышать и читать про все, что творится в жизни. И подтесовская школа такая милая. Старая-старая. Ну не могут новую достроить. Деревянная, доживает, гнилью пахнет. Печи натопили. А клуб-то нет у них, только коридор такой широкий. Я им говорю: «Что, дрова, наверное, за полгода все сложили, чтобы меня согреть?»

Зашел я в эту школу, и чем-то родным, игарским повеяло сразу: деревом пахнет, гнилью. Школа двухэтажная, деревянная, а строят кирпичную и тоже в два этажа. Но не дают денег никак. Хотя под крышей она уже стоит.

Народу набилось много. Впереди, конечно, взрослые сели. Всякое они мне подарили, к стати говоря, модель первого парохода, бывшего на Енисее. «Красноярск» назывался. Я его отдал в литературный музей.

Я и говорю на встрече: «Ну-ка, поднимитесь, ребята! А то вас тут взрослые загордели». Поднялись, я посмотрел: ни одного лица с признаками вырождения. Такая отрада!

Я и говорю тем, кто встал, ребятишкам: «А кто читал мои произведения, поднимите руку!» Смотрю, почти все подняли. «Ну, значит, отпадает надобность рассказывать вам биографию».

Вопросы хорошие задавали. Чувствуется, что начитанные ребята. Но самый главный вопрос закатила девочка одна под конец: «Что такое счастье?». Слава Богу, что такой вопрос задают. Но две тысячи лет люди пытаются ответить на него, а я вдруг сейчас ответ и выложу. Сказал я им, что понятие это сугубо индивидуальное. Для одного кашу поест — счастье.

«Помните, — говорю, — Лескова: у кого суп жидок, у кого жемчуг мелок?» Так что счастье — понятие нравственное. Насколько выше нравственность, настолько требования к этому самому счастью более редки и возвышенны. И угодить людям очень трудно.

Я вот все хочу о Серге написать. В Устюге деревня есть, Глядино, где живет Серега. Он всю жизнь мечтал забрать мотоцикл и знал, что это несбыточная для него, деревенского парня, мечта. Где-то в Красноярске увидел мотоцикл — все! Когда закончилась война, а он в пехоте был — на Белорусском фронте, он разрезал раму у немецкого мотоцикла, разобрал и в мешке привез в Глядино. Тут сварил эту раму, собрал и укатал этот мотоцикл так, что уж там ничего не ездил. Но он на нем много лет ездил.

Я этого Сергею очень люблю. Он

чем во время процветания нашего сельского хозяйства занимался? Бригада-то есть, а в бригаде никого нет. Или разбежались, или не хотят работать. А техника вся имела: и комбайн, и севалка, и веялка. Он всю зиму сам — ручищи у него здоровые, все позноблены, потрескались — ее ремонтирует. Трактора, комбайны, веялки — все приведет в порядок, подготовит к посевной.

Потом сам все вспашет, все посеет. Я его как-то спрашиваю: «Сергея, какие проблемы-то у тебя?»

«Понимаешь, — говорит, — хлеб сдать не могу. Сюда не приезжают, а вывезти мне не на чем».

И вот дали Сергею наконец бумагу на «Ниву» — второй личный транспорт. В город боялся отправиться, а у себя ездил. И был счастлив.

— А сейчас, Виктор Петрович, есть люди, у которых и не одна машина, и не одна квартира, и дача, и денег огромное количество, а счастья что-то не наблюдается. В глазах — тоска смертная. Почему, как вы думаете?

— Не знают, наверное, как деньги потратить. Недавно я французика одного читал, о том, что он в Марселе своем родном с трудом нашел место в пятизвездочном отеле. Пишет, что все занято русскими. Ну, о том, что они об этикетке не слышали, и говорить не приходится...

А недавно я был просто потрясен одной встречей. Вылажу я на люди редко, а потому мои впечатления более четкие и запоминающиеся. Ребята недоумевают, зачем я хожу на детский футбол. А я смотрю игру, получаю страшное удовольствие, потом вручаю им подарки. В основном книжки свои дарю. И вот однажды смотрю, у одной команды форма такая красивая, причем форма «Барселоны», знаменитой испанской команды. Я спрашиваю: «Юрочка, а где такую форму достали?» Он говорит: «Мама купила». В Испании была и купила форму «Барселоны». Вот, думаю, бывают и такие мамы. Мама, у которой есть деньги, сделала счастливыми ребяткишек на много лет.

Я в связи с этим подумал: «А что же наши капиталисты?! Ну взяли да сделали бы миллион пар ребячьих форм «Спартак». Ее тут же бы разобрали». Так что применение деньгам своим можно найти с пользой: и другим радость принести, и себя осчастливить. И как они неохотно дают на ту же культуру деньги.

— А для вас в чем счастье? В разное время, наверное, по-разному?

— Да чтоб ко мне корреспонденты не ходили.

А для корреспондентов счастье — приходить. А может быть, как в фильме «Доживем до понедельника»: счастье — это когда тебя понимают.

Ну, это там немножечко загнута, по-киношному, мудрено.

Мое понятие счастья очень сложное, величина, колеблющаяся все время. Конечно, самым большим счастьем было выжить на войне. И потом — ребятишки. Но ребятишки вон уже лежат в могиле. Это хуже нет — хоронить. Один сын остался. Так что...

А вообще, счастье определяет мера души.

— Но если человек тонкий, нравственный, духовный — он, как вы считаете, больше может быть счастливым?

— Он может больше несчастлив быть. Сиюминутное счастье он может пережить от влюбленности, от прочтения какой-то книги, от совершения какого-то благородного поступка. Но это все только составные того недостижимого счастья, к которому человек стремится.

Вот для таких людей, как, к примеру, Лермонтов, Моцарт и другие тонкие души, — это огромное несчастье видеть других несчастливыми, и о них можно судить по степени недостижимости счастья, несовершенства гармонии. Смотрел по телевизору Свиридова, читал интервью с ним. Как мудро старик рассуждал обо всем об этом. Он видел самое большое несчастье в разрушении гармонии. Раз разрушается мировая гармония, разрушается все, начиная с души и кончая культурой. А кому-то на эту культуру наплевать.

Я люблю очень Лермонтова. Всегда ссылаюсь на него. А сейчас

побывал в его местах. Я думаю, какая же громада переживаний обрушилась на этого мальчишку, который в семь лет уже начал писать стихи, в семнадцать начал «Демона», сложное произведение. С семи лет рисовал гениально. В Пушкинском доме есть его рисунки цветными мелками. Бабушка везде велела разложить бумагу. Он играет-играет, возьмет и набросает что-нибудь. Их закрепляли клеем, потому они и сохранились до сих пор. Ну, конечно, одаренное, гениальное дитя. Но ведь и гению нужно приложение уму какое-то, иначе он полжизни истратит на самоусовершенствование. А этот мальчик в десять лет был самоусовершенствован так, как нам и в пятьдесят, и в шестьдесят не снилось. А следовательно, Божий дар — это одновременно и Божие наказание. Ответственность за других, ответственность за несовершенство мира.

То, что мы называем «тонкостью душевной» и часто презираем, это, может, и есть как раз пик совершенства. Трудно таким людям, как Толстой, Лермонтов, уживаться в мире нашем, грубом, для них не подходящем. Мир этот должен их раздавить. И всегда оторопь берет, когда думаешь о них. Это бездна таланта, но это и бездна несчастья для того, кто заглядывает так глубоко, как они.

Я очень люблю Шуберта, «Неоконченную» симфонию. В ней, собственно, вся жизнь его, в этой симфонии — его несбывшиеся мечты. Как правило, эти гениальные люди мечтают о каких-то простых взаимоотношениях. До свинства они опуститься не могут.

Кстати, в русских аристократах были эти черты высокомерия и саморазрушения, которые есть и сейчас. Окончили нашу советскую школу, самую тупую, и почему-то считают себя очень грамотными, а нашу школу — лучшей. Кто им сказал об этом? Как в свое время считали лучшим советского читателя. Лучшего читателя у нас сколько было в 13-м году, столько и осталось. Несмотря на всю нашу грамотность. В 1911 году Российская публичная петербургская библиотека сделала выборку, и оказалось, что Чарскую и Вербицкую читали чуть ли не в сто раз больше, чем Льва Толстого.

Я тут в Петербурге выступал и говорю, что и Гоголь др сих пор не прочитан. А мне из зала: «А вы думаете, Пушкин прочитан?» Пройден. В школе нашей. Схематично, плохо, на уровне наших учителей. Ну нельзя таких вещей касаться, как «Мертвые души», «Евгений Онегин», в школе. Нужно просто называть их, прочитать вслух какой-то кусочек и следовать дальше и сказать: «Дети, когда вы вырастаете, останетесь читателями, вот тогда и попробуйте прочитать такого сложного писателя, как Гоголь, который снаружи кажется очень простым и доступным, а на самом деле это не так. Как и Пушкин».

— Вот вы говорите, Виктор Петрович, что человек тонкий, нравственный не может быть счастливым, когда несчастливы вокруг него. А помните горьковского Данко? Люди растоптали его сердце и прошли мимо...

— А наши бы сейчас его добились там. Вот наш Данко из Шарыпова понастроил коттеджей для своих трудящихся, чтобы вывести их из бараков, сказал, что возьмет с них всего 50 процентов от стоимости. А они захлामीли все коттеджи и подали на него в суд за то, что он не отпускает свободных трудящихся со своей стройки. После этого он сказал, что раз людям он не может угодить, Богу будет угождать, и построил великолепный храм.

Я в таких случаях успокаиваю себя строчками поэта Мирзы Шафи:

Пока висят на дереве плоды,
В него бросают палки и камень.
— То есть, пока есть что-то в человеке хорошее, его бьют. А почему, Виктор Петрович, такая у нас психология?

— Ты с такими вопросами пришла ко мне на мою усталую старую голову?

— Я вам задаю такие вопросы, которые испокон веку задавали русским писателям.

— А писатели-то путаники. И они обязательно по поводу этого вопроса начинают творить новое сочинение. Только и всего. Там-то, может быть, и найдешь ответ.

Беседу вела
Наталья САВВАТЕЕВА